

Баночка Снежно-Нефритовой мази подкатилась к ногам Цзи Юйцзиня. Он присел, поднял её и коснулся нёба кончиком языка.

Цзи Юйцзинь не ожидал увидеть такую сцену, и его лицо на мгновение стало горячим:

— Ты... ранен?

Чу Фэнцин тяжело поджал губы:

— Нет...

— Нет? Я всё видел. Как ты поранился? — Цзи Юйцзинь только закончил спрашивать, как вдруг кое о чём подумал. — Ты поранился, пока ехал верхом?

Городок был на среднем расстоянии. Чу Фэнцин, вероятно, никогда раньше не ездил верхом так долго, и с неправильной осанкой было легко натереть кожу. Привыкший к верховой езде, он не придавал этому особого значения.

Чу Фэнцин ничего не сказал, и Цзи Юйцзинь принял это как согласие. Он закрыл глаза, виня себя в недостаточной осторожности и в том, что был слишком безрассуден и действовал по настроению.

Хотя он лишь мельком взглянул, он мог видеть, что внутренняя сторона его бёдер была красной.

— Почему ты не сказал мне, когда мы ехали верхом? — Цзи Юйцзинь обернулся и с некоторой тревогой спросил: — Как ты мог просто терпеть боль?

Чу Фэнцин отвернулся и посмотрел вдаль, не встречая взгляда Цзи Юйцзиня. Он тихо сказал:

— Я не чувствовал никакой боли, когда мы ехали.

— Чушь. — Цзи Юйцзинь немедленно возразил ему. Хотя разрыв кожи не был серьёзным, это было чрезвычайно больно, он сам испытывал это жжение раньше. — Я думаю, ты понял это слишком поздно и беспокоился, что мы задержимся из-за тебя. Мы не умрём, если пройдем несколько шагов. В худшем случае я могу понести тебя обратно.

Цзи Юйцзинь знал, что он всегда считался с другими и был слишком заботлив, но он сам хотел быть тем, кто более заботлив. Он надеялся, что однажды Чу Фэнцин ничего не будет скрывать перед ним, совсем не будет о нём волноваться и сможет полагаться на него так свободно, как пожелает.

Он сжал мазь в своей руке:

— Впереди ещё долгий путь. — Ах, по крайней мере, он не видел никакой зависимости в глазах Чу Фэнцина.

— Я выйду ненадолго.

Цзи Юйцзинь взял баночку с мазью и вышел.

Дверь закрылась со скрипом. Чу Фэнцин посмотрел на закрытую дверь и потёр висок: он всегда терял самообладание перед Цзи Юйцзинем.

Он рассердился?

Чу Фэнцин поджал свои тонкие губы. Он не умел угадывать, о чём думают другие, и тем более не знал, как с ними обращаться. Он и впрямь был немного неуклюж в общении с людьми.

Было немного больно, когда он ехал верхом, но он не ожидал, что это будет так серьёзно, и был ослеплён ощущением скачущей лошади. Из-за астмы и слабости его жизнь с детства можно описать одним словом — «скучная».

Люди таковы: они жаждут жизни, которой никогда не знали. Будучи сам мирским человеком, он жаждал удовольствий мести, поэзии, вина и большого мира.

Чем реже что-то встречается, тем осторожнее он становится. Он не будет из кожи вон лезть, чтобы угодить другим, но, по крайней мере, не будет их провоцировать — так он ориентируется в мире. Например, верховая езда: он боялся, что, сказав об этом, Цзи Юйцзинь подумает о его здоровье и перестанет брать его на прогулки верхом. Хотя это была всего лишь мелочь, для него она значила нечто иное.

Он боялся, что... Цзи Юйцзинь вышвырнет его из своей жизни без всяких объяснений...

Чу Фэнцин опустил глаза и вдруг зарылся головой в одеяло. Через мгновение он снова поднял голову и вернулся к своему холодному и отчуждённому виду.

Цзи Юйцзинь вскоре вернулся и на этот раз благоразумно постучал в дверь.

Чу Фэнцин:

— Входи.

Цзи Юйцзинь ушёл неизвестно куда и вошёл, окутанный влагой.

Чу Фэнцин оделся аккуратно и тщательно и совсем не выглядел смущённым. Только задержавшийся румянец на его ушах выдавал его.

Он полулежал на кровати, листая книгу в руках и выглядя глубоко сосредоточенным, но на самом деле это было притворство; он уже давно не переворачивал эту страницу.

Цзи Юйцзинь нахмурился и приблизился к Чу Фэнцину. При виде его кадык невольно скользнул. Затем он достал из рукава баночку с мазью, заметно более дорогую на вид, чем Снежно-Нефритовая мазь.

Он положил мазь на стол и сказал:

— Ты врач, но разве ты не знаешь, насколько эффективна Снежно-Нефритовая мазь? Можно ли её использовать на такой большой площади повреждённой кожи?

Прежде чем Чу Фэнцин успел взять мазь, Цзи Юйцзинь вдруг отдернул руку и опустился на одно колено перед кроватью:

— Я всё ещё волнуюсь, можно мне взглянуть на рану?

Чу Фэнцин: «.....»

Он что, сумасшедший? Лицо Чу Фэнцина, которое только что успокоилось, мгновенно покраснело, и вены на тыльной стороне его руки, сжимавшей одеяло, запульсировали.

Цзи Юйцзинь смотрел на Чу Фэнцина плутовским взглядом. Сквозь стиснутые зубы Чу Фэнцин пробормотал:

— Убирайся.

Цзи Юйцзинь нахмурился:

— Мы все мужчины, чего ты боишься? У меня тоже есть то, что у тебя.

Чу Фэнцин подумал про себя: «У тебя нет».

Но он не осмелился сказать это, боясь задеть самооценку некоторых людей. В конце концов, быть евнухом — не славное дело с любой точки зрения.

Цзи Юйцзинь ещё не сдавался:

— Я просто посмотрю на рану, ничего другого я делать не буду. К тому же я уже это видел.

Он всё это видел во время прошлой зимней охоты и в конце концов даже одел его в одежду.

Лицо Чу Фэнцина было таким горячим, что на нём можно было поджарить яйцо. Его ресницы, подобные воронову крылу, дико дрожали. Он не понимал, как в этом мире мог быть такой бесстыдный человек.

Видя, что лицо Чу Фэнцина становится всё более уродливым, Цзи Юйцзинь на мгновение застыл и не осмелился больше ничего сказать:

— Ладно, натри сам.

С этими словами он сунул мазь ему в руку и сел за стол впереди, спиной к Чу Фэнцину, разумеется.

Чу Фэнцин глубоко вздохнул и совсем не хотел её втирать.

Как раз когда он боролся с вопросом, втирать или нет, Цзи Юйцзинь, сидевший там, вдруг тихо сказал:

— Прости.

Чу Фэнцин на мгновение опешил, а Цзи Юйцзинь продолжил:

— Я больше никогда не сделаю такой опрометчивой вещи. Я не учёл твою ситуацию.

Зрачки Чу Фэнцина слегка сузились: он знал это.

Так было с самого детства. Его старший брат взял его учиться боевым искусствам, но на следующий день у него был сильный жар. Когда он поправился, он умолял старшего брата снова учить его, но старший брат не согласился. С тех пор никто больше не осмеливался брать его учиться боевым искусствам. Ему даже не дали шанса попробовать ездить верхом. Его отослали со словами, что его тело для этого не годится.

Это должно было защитить его, поэтому он никогда не высказывался, но в глубине души он всё ещё жаждал этого, жаждал напряжения, силы и ярости, и ощущения крепкого, здорового тела.

Он опустил глаза: пусть будет так.

Однако... в следующий миг вся его ментальная подготовка рухнула.

— Я научу тебя правильно ездить верхом, когда твоя рана заживёт. Это случилось потому, что твоя осанка была неправильной.

— Когда научишься, я отвезу тебя туда. На северо-западе есть большая прерия, где ты сможешь насладиться верховой ездой. Но придётся подождать до весны. Сейчас слишком холодно. Там всё ещё повсюду снег.

Цзи Юйцзинь слегка наклонил голову и говорил лениво, слово за словом.

<http://bllate.org/book/17231/1618963>